

Москва, 26 декабря 1934.

139

148

Центрального и Московского
Всесоюзной Коммунистиче-
ской партии (большевиков).

МОСКВА, Тверская, 48.

В Секретариат ЦК ВКП(б)
т.т. Сталину, Кагановичу.

№ 425/сс

Кагановичу

Направляем Вам 2 письма, полученные редакцией от нашего Берлинского корреспондента К. Гофмана и от тов. Вабаяна (в свое время разоблачил безобразия на таможах Белоруссии) о явном неблагополучии в парторганизации Советской Колонии Берлина.

31 XII 34

Ответственный Секретарь "Правды"

(Л. Мехлис).

Л. Мехлис

Берлин, 20/ХП-1934 г.

Дорогой Лев!

Информацию о контрреволюционном выступлении ленинградского коммуниста Преображенского в Гамбурге, о котором я коротко сообщил вам вчера шифровкой, мне дала тов. Людмила. Она очень просила немедленно довести об этом до вашего сведения.

Дело произошло следующим образом:

6 декабря, в день похорон тов. Кирова, в Гамбурге состоялся траурный митинг. Тов. Людмила не присутствовала, так как она находилась в этот день в Берлине.

Когда она вернулась, ей рассказали, что на этом митинге, на котором присутствовала вся советская колония Гамбурга, в самом конце взял слово Преображенский, работник Хлебторга, находящийся там уже свыше трех лет.

В своей речи Преображенский очень спокойно сказал: "Я знаю лично Николаева, как скромного, спокойного, усидчивого работника, с которым работал в Смольном рядом. Никогда не мог бы допустить, чтобы такой скромный, выдержанный коммунист, как Николаев, мог совершить такой поступок. У нас, в партии, имеются еще сотни, тысячи таких Николаевых. Напрасно скрывают, что он коммунист. Это знает весь Ленинград. Все равно об этом будет напечатано в "Правде".

Хвалебная характеристика убийцы тов. Кирова, данная Преображенским, произвела на слушателей, среди которых было много беспартийных, ошеломляющее впечатление. Однако не нашлось ни одного партийца, который выступил бы с отпо-

ром Преображенскому. Между тем на собрании присутствовал и секретарь гамбургской партийной организации Клименко и генеральный консул Крумин, бывший член ЦКК.

Контрреволюционным выступлением Преображенского митинг закончился.

Когда тов. Людмила вернулась в Гамбург, то, узнав о выступлении Преображенского, она предложила немедленно поставить вопрос на бюро. Заседание дважды переносилось вследствие неявки Преображенского. Оно состоялось лишь 12 декабря. Когда тов. Людмила предложила Преображенскому оценить свое выступление, он слово в слово начал повторять свой панегирик Николаеву. Тов. Людмила прервала его излишняя и спросила, не видит ли он своей ошибки. Преображенский ответил, что никакой ошибки он не видит, и добавил, что быть может ему не следовало раньше времени публично заявлять о том, что Николаев коммунист. "Но - сказал он тут же - ничего ужасного в этом нет. Все равно об этом будет напечатано в "Правде".

Видя, что она имеет дело не с коммунистом, совершившим по той или иной причине грубую политическую ошибку, а с врагом, бросающим вызов партии, тов. Людмила, по ее словам, немедленно переменяла тактику. Она прекратила дальнейшее обсуждение вопроса на бюро и поставила себе целью как можно скорее отправить Преображенского пароходом в Союз. Она запретила партийцам болтать о выступлении Преображенского, дабы не возбуждать в нем подозрений, держаться с ним спокойно и ровно, как будто ничего не произошло, участвовала свои встречи с ним на деловой почве и ведет линию так, чтобы П. по ходу его оперативной работы понял, что ему очень срочно нужно на несколько дней поехать в Москву, иначе могут произойти в деле, за которое он отвечает, крупные убытки. Тов. Людмила

твердо убеждена, что, пустив в ход дипломатию и такт, ей удастся с одним из ближайших пароходов отправить Преображенского.

Такова фактическая сторона дела.

Тов. Людмила очень жаловалась, что берлинские руководящие товарищи из торгпредства не поддерживают ее и не одобряют ее линию. Берлинцы боятся, что им крепко нагорит из Москвы за то, что они прошляпили Преображенского, что они не знают кто у них сидит, что они не проявляют никакой бдительности, несмотря на учащающиеся случаи невозвращения коммунистов в органах торгпредства.

Тов. Фридрихсон потребовал от Людмилы, чтобы она "завтра (т.-е. 19 декабря, она приехала 18-го, чтобы их проинформировать, так как ни представитель инспекции в Гамбурге, ни секретарь Клименко не сочли нужным проинформировать Берлин) отправила этого негодяя в Союз".

Сколько она не урезонивала, Ф., он заявил, что предпишет ей в служебном порядке выполнить его приказ.

Она уехала в Гамбург в очень тяжелом настроении.

Как вы сами видите из дела Преображенского, этот случай мог произойти только потому, что наше партийное руководство в Берлине (ответственный секретарь тов. Отсечкин) давно потеряло классовую бдительность и примиренчески относилось к совершенно вопиющим безобразиям. Отсечкин - абсолютное ничтожество, аллилуйщик, сидит здесь пятый год, совершенно не понимает нынешней обстановки. Его правой рукой в бюро был в течение ряда лет бывший троцкист Левин, только несколько недель назад с большим трудом откомандированный отсюда в Союз. Левин был душой бюро, при этом руководстве пышным цветом расцвело очковтирательство, алли-

луйщина, потеря классовой бдительности, круговая порука.

По делу Преображенского их главная забота - выгородить себя, удержаться. Сегодня Отсечкин выезжает в Москву, чтобы "надлежащим образом" информировать инстанции.

Если в самый кратчайший срок Отсечкин и его компания не будут сняты и откомандированы, следует ожидать дальнейшие сюрпризы.

Крепко жму руку

КАРЛ.

Прилагаю письмо тов. Бабаяна, который сообщает несколько ярких фактов, характеризующих здесьнюю обстановку и методы партийного руководства.

Карл Гофман.

С подлинного верно

Вол секретарь "Правды" Гофман

18д

Отп. в 2-х экз.

Совершенно секретно.

РАССЕКРЕЧЕНО

ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО В "ПРАВДУ".

Многоуважаемый тов. Мехлис!

В партийной организации Берлинской советской колонии неблагополучно.

Факты последнего времени говорят о том, что руководство громадной (около 300 человек) партийной организации за рубежом не только оказалось во власти чиновничье-бюрократической рутинности, но и потеряло элементарную классовую бдительность, превратив очковничество и аллилуйщину в стиль своей работы.

Эта насквозь прогнившая обстановка безмятежности зашедших в теплых местах чиновников породила на днях беспремерное по своей наглости и открытому забралу контрреволюционное выступление в Гамбурге члена партии, сотрудника Экспортхлеба - Преображенского на открытом траурном митинге советской колонии, где присутствовало свыше 100 человек, с речью в защиту Николаева - убийцы тов. Кирова. Преображенский в дни тяжелого траура открыто и прямо защищал Николаева, охарактеризовав его, своего друга - приятеля, которого лично хорошо знает, как "самого безупречного, чистого, честного, скромного и выдержанного коммуниста". Далее он заявил, что "в нашей партии имеются еще тысячи таких николаевых!"

Невероятно, но факт - ни один человек из всех присутствовавших не сорвал речи этой сволочи и что еще хуже, весь митинг с участием беспартийных был закончен выступлением

Преображенского. На митинге в числе остальных присутствова- также советский консул в Гамбурге Крумин и секретарь гамбургской партийной ячейки Клименко. По настоянию отдельных товарищей в Гамбурге собралось бюро ячейки и вызвало Преображенского. Преображенский на бюро не явился, хотя и оправданий к этому никаких не было, так как в неурочное время наши работники за границей, особенно в Германии, ничем другим не заняты. Бюро ячейки через день собралось вторично и Преображенского заставили явиться. Преображенский без стеснения снова повторил на бюро похвалы Николаеву и свое убеждение о наличии в нашей партии тысяч бомбометчиков. Закончилось дело тем, что предложили Преображенскому изложить свою позицию письменно и представить бюро. Решение это весьма глупое и необдуманное, хотя бы по одному тому, что Преображенский его до сего дня не выполнил.

В Берлине-большое бюро ячейки всей колонии, которому подчинена гамбургская организация, о всем этом деле узнало только вчера, т.-е. спустя десять с лишним дней после вылазки Преображенского. И это в то время, когда буквально ежедневно с Гамбургом имеется живая связь. Секретарь гамбургской ячейки Клименко, человек, кстати, заседавший здесь в течение пяти лет, является доверенным лицом Отсечкина - секретаря парторганизации всей нашей колонии в Германии (также пять лет заседавший здесь) до-видимому, не считал необходимым немедленно информировать о случившемся и о своем бездействии последнему.

Трудно описать ту истерическую панику, свойственную аллилуйщикам и прогнившим мелкобуржуазным политикам, в которую впали здесь секретарь организации тов. Отсечкин,

временный торгпред тов. Фридрихсон и другие люди, отвечающие за деятельность членов советской колонии, когда им вчера стало известно, конечно, не через партийную ~~организацию~~^{информацию}, случившееся.

Шарахнувшись в крайность, ничего умнее не придумали, как предложить уполномоченному торгпредста~~ву~~^{ву} в Гамбурге тов. Людмиле (совсем новый человек) немедленно в течение двух дней откомандировать Преображенского в Союз, При чем очень характерно для методов канцелярского руководства, торгпред Фридрихсон, чтобы себя с Отсечкиным выгородить и умыть руки, дает тов. Людмиле письменное распоряжение в два дня откомандировать Преображенского в Союз. Совершенно понятно, что такой поспешный шаг, без всяких необходимых в таких случаях предосторожностей, чреват большими опасностями... Людям важно иметь у себя подшитой в делах для отчетности и обмана партии лишь копию бумажки о том, что "меры для немедленного откомандирования в Союз были приняты!"

Сегодня еще никто не знает, как дальше себя будет вести Преображенский. Партийное руководство застигнуто этим делом врасплох. Мое глубокое убеждение таково, что вместо того, чтобы, засучив рукава, осторожно и обдуманно, но решительно и беспощадно, по-большевистски начать выкорчевывать и выжигать гнойник и, в первую очередь, локализовать Преображенского и его корни здесь - Отсечкин и компания лихорадочно занялись теперь целиком самовыгораживанием и самооправданием перед соответствующими органами в Москве. Как будто партийное руководство сидит здесь только для того, чтобы скверно фотографировать положение и ложно

информировать Москву!

Руководство настолько оканцелярилось и обюрократилось, что оно не знает работающих здесь людей и не способно поручиться за то, что завтрашний день не принесет с собой какой-нибудь новый сюрприз.

Только на-днях в том же злополучном Гамбурге на партийном собрании ячейки докладчик о решениях последнего пленума ЦК ВКП(б) некий Габелев в своем докладе сделал прямой выпад против членов ЦК нашей партии. Я утверждаю, что об этом факте руководству берлинской организации еще неизвестно и, разумеется, поэтому до сих пор никаких выводов не сделано.

Месяца два-три тому назад комиссией, созданной бюро ячейки, было обнаружено в составе аппарата Торгпрома ("Международная книга") в качестве наших служащих десять махровых русских белоэмигрантов, бывших офицеров. Оказалось, что эта шпана уже в течение 6-7 лет преспокойно работает в советском учреждении, в среднем каждый из них получает из советской казны оклады по 600-700 марок в месяц и руководитель Торгпрома - член партии Тер-Григорян (также сидящий здесь около 5 лет) считает этот факт вполне нормальным, мотивируя тем, что, во-первых, - белобандиты-де незаменимы и, во-вторых, - о работе их в Торгпроме известно самому секретарю ячейки Отсечкину и зам.торгпреду Фридрихсону. Когда же комиссия явилась докладывать бюро с резкими выводами о немедленном изгнании белогвардейцев из советского аппарата и привлечении ■■■ к ответственности за это дело Тер-Григоряна, то последний публично на широком заседании бюро ячейки имел наглость вывести парткомиссии об изгнании

белогвардейцев буквально обозвать "фашистским провокационным листком" и что, якобы, комиссия "пытается его (Тер-Григоряна) изнасиловать как Ремовского мальчика". При чем Тер-Григорян на бюро во всеуслышание снова подтвердил, что он-де не при чем и о работе русских эмигрантов в Торгпроме давно известно Отсечкину. Последний, видя, что дело принимает плохой оборот, спешно создает комиссию для "выработки резолюции" и включает в нее правую свою руку, члена бюро и культпропа ячейки, бывшего активного троцкиста Левина. В комиссию в числе других вводится также зам.торгпреда Фридрихсон и зав.кадрами Минкин, т.-е. все те лица, которые непосредственно отвечают за наличие в числе наших служащих белогвардейцев.

Левин - это идеологическая опора бюро делает, конечно, в комиссии все, чтобы смазать политическую заостренность вопроса и самое возмутительное это то, что в конце разложившийся Тер-Григорян остается абсолютно безнаказанным. Резолюция максимально выхолащивается, Тер-Григорян попрежнему под опекой Отсечкина продолжает здравствовать и пребывать здесь, за границей. Двух белобандитов для отвода глаз сняли, а восемь из них продолжают еще и по сей день бок-о-бок работать с партийцем Тер-Григоряном, и огребать нашу кровную, золотую советскую копейку.

Вот вам типичный результат махинации пролезшего к руководству бывшего троцкиста Левина.

Это тот самый Левин, который в прошлом году категорически отказался здесь от предложения Берлинского Полпредства использовать попутно свою поездку в Голландию по торговым делам для заполучения там части дореволюционного ар-

хива В.И.Ленина (Письма к Вайнкопу), добытой секретарем посольства тов. А.Гиршфельдом по поручению Института Ленина. Мало того, троцкистский отщепенец в связи с этим имел наглость еще написать на тов. Гиршфельда заявление бюро ячейки (Отсечкину) о том, что Гиршфельд его (Левина) настойчиво пытался использовать для целей, не входящих в его торговый вояж и толкал его на "опасные поручения" в Голландии, - где за советскими людьми усиленная слежка, и это могло его дискредитировать. И, как ни печально, это шарлатанское заявление подлого труса-троцкиста разбиралось на бюро ячейки с попытками в самом деле напасть на тов. Гиршфельда. И только лишь решительное вмешательство возмущенных т.Л.М.Хинчука и других товарищей оградило тов. Гиршфельда от неприятностей, а у Левина не упало с головы даже одного волоса. И факт разбора на бюро такого заявления Левина так или иначе остается вопиющим!.. Дело кончилось тем, что тов. Гиршфельд за архивом с'ездил сам, архив Ильича за один день был без всяких мнимых опасностей заполучен и, как известно, часть его благополучно опубликована уже в нашей "Правде".

Три недели тому назад остался здесь еще один невозвращенец некий Зецман - сотрудник ДЕРОП.

Все, конечно, здесь в панике и болтология, аллилуйщина льется, как из рога изобилия, подменяя бдительность и ответственность.

Вот сегодня, 20/XII, совершенно случайно выявил свою антипартийную физиономию ответственный работник торгпредства профессор Вольфсон - зав. правовым отделом и член партии. Вольфсон в разговоре с тремя товарищами заявил буквально следующее: "За последнее время советская пресса и даже

159

такая газета, как "Правда", вырождаются. Вещи, которым место в отделе "Кинохроники", "Правда" помещает, как передовые, взять хотя бы сегодняшнюю передовицу об изучении иностранных языков". Одному из собеседников Вольфсона ничего не оставалось делать, как тут же ответить почтенному профессору, что вырождается не "Правда", а вырождаются некоторые члены берлинской ячейки. Это факт. Я уж не знаю - случайно это или не случайно, оказывается этот Вольфсон тоже сидит в Берлине около пяти лет.

Вот вам, товарищ Мехлис, настроения сидящих здесь людей и факты, которые они совершают. Их можно еще и еще продолжить, но не буду загромождать материал.

И поэтому не удивительно, что такая насквозь прогнившая обстановка кормит и терпит в своих рядах людей типа Преображенского, осмеливающихся открыто выступать в защиту убийцы тов. Кирова.

И каким жалким, бессовестным на таком фоне выглядит приказ, изданный в ноябре этого года зам.торгпредом Фридрихсоном, в котором Отсечкину (секретарю парторганизации) прибавляется жалованье до 235 долларов в месяц "за отличные показатели в работе". Этот приказ произвел крайне удручающее впечатление на парторганизацию в целом, которая хорошо знает, как строго в Союзе преследуется самовольное повышение зарплаты.

А Отсечкин, в свою очередь, крупнейшие хозяйственные провалы в работе торгпредства (при наличии великолепной кон'юнктуры запродажа по низким ценам на 1935 год 350.000 тонн нашего марганца Рейнско-Вестфальским заводам и заводам итальянского консорциума; не оправдываемая ничем оплата комиссионерам десятков тысяч золотых рублей; ка-

бальный договор, заключаемый на три года до 1937 года с картелем Саяка на продажу по твердым ценам нашего драгоценного асбеста и т.д. и т.п.), часть которых недавно была вскрыта комиссией тов. Янко, всячески покрывает и прикрывает своими беззубыми аллилуйскими резолюциями. Прочтите их - эти аршинные резолюции, касающиеся миллионных дел - курам на смех!..

В июне этого года бюро заграничных ячеек ЦК уже раз указало берлинской ячейке на отсутствие самокритики. По существу это указание БЗЯ руководством ячейки спрятано и парторганизация не мобилизована на беспощадное разоблачение малейшего проявления антипартийности. Мне кажется, что целый ряд фактов из жизни местной парторганизации не известны БЗЯ. Очевидно, это результат односторонней информации БЗЯ местным руководством.

К информации бюро ячейки, за исключением тов. Петрунчева и некоторых других товарищей, следует относиться с очень большой осторожностью, так как люди в первую очередь стараются выгородить себя и снять свою ответственность, замазывая при этом все острые углы.

Очень важно, что все без исключения перечисленные мною в письме партийцы - чистки еще не проходили.

Берлинская партийная организация нуждается в оздоровлении и корни Преображенского - этого морального соучастника убийцы товарища Кирова - должны быть немедленно безжалостно выжжены.

18д

- 9 -

Фашистское окружение и специфичность обстановки, в которой находится берлинская ячейка, разумеется, требуют чрезвычайно осторожных форм оздоровления.

Я уверен в вашем авторитетном и энергичном вмешательстве.

Крепко жму руку.

Ваш

А. БАБАЯН.

Берлин, 20/ХП-1934 года.

С подлинного беру

Пол. секретаря "Правды"

Лютин